

2. Масенко Л. Т. Проблеми взаємодії гідронімії та ойконімії : На матеріалі басейну Південного Бугу / Л. Т. Масенко // Мовознавство. – 1972. – Вип. 1. – С. 32 – 37.
3. Никонов В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1965. – 180 с.
4. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М. : Мысль, 1966. – 509 с.
5. Отин Е. С. Дон и Донец / Е. С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк : ДонГУ, 1994. – Вып. 1. – С. 55 – 62.
6. Отин Е.С. Рязск или Рясск? / Е. С. Отин // Русская речь. – 1996. – № 2. – С. 84 – 91.
7. Отин Е.С. Топонимическая метонимия : Вид связи «гидроним – ойконим» / Е. С. Отин // Перспективы развития славянской ономастики. – М : МФГО СССР, 1980. – С. 106 – 121.
8. Поляруш Т. І. Гідронімічні переосмислення (на північно-східному Лівобережжі) / Т. І. Поляруш // Повідомлення української ономастичної комісії. – К. : Наук. думка, 1974. – Вип. 10. – С. 10 – 21.
9. Стрижак О. С. Сіверськодонецьк чи «Северодонецьк?» / О. С. Стрижак // Мовознавство. – 1968. – № 1. – С. 55 – 56.
10. Українська радянська енциклопедія. – К. : Гол. ред. УРЕ, 1963. – Т. 13. – 563 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3. – 831 с.
12. Энциклопедический словарь / Издатели Брокгауз и Ефрон. – Спб., 1890 – 1904. – Т. I – XLI.
13. Янко М. Т. Топонімічний словник-довідник Української РСР / М. Т. Янко. – К. : Рад. школа, 1973. – 179 с.

УДК 81.161.1

Г. В. Токарев

КВАЗИЭТАЛОНЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГЕНДЕРА

Токарев Г. В. Квазіеталони крізь призму гендеру.

У статті в гендерному аспекті розглядаються номінації стандартів людини.

Ключові слова: мова, культура, стереотип, квазіеталон, гендер.

Токарев Г. В. Квазіеталоны через призму гендера.

В статье в гендерном аспекте рассматриваются номинации стандартов человека.

Ключевые слова: язык, культура, стереотип, квазіеталон, гендер.

Tokarev G. V. Quasistandards through the lens of gender.

The article considers the gender dimension of the category standards of man.

Key words: language, culture, stereotype, quasi standard, gender.

Квазіеталони являються вербалізаторами стереотипних представлень о человеке. Одним из наиболее значимых здесь оказывается гендерный признак. Большинство квазіеталонов гендерно симметрично. Это характеризует русскую лингвокультуру как гармоничную, имеющую развитые мужское и женское начала, значимыми для русской лингвокультуры становятся представители обоих полов. Гендерная симметрия выражается с помощью аффиксов, распространителей (лексически) или семантически: *актёр / актриса, король / королева, мальчик на побегушках / девочка на побегушках*.

Особенно интересны квазіеталоны, демонстрирующие асимметрию. Условно данные явления мы обозначим как *maskulinum tantum* и *femininum tantum*, то есть признаки характеризующие только мужчин и только женщин. Как известно, главным предметом лингвокультурологии является образ. Именно он выступает в роли ограничителя при формировании

противоположной гендерной семантики. Так, образные основания, указывающие на типичные мужские занятия, не допускают появления женской семы: *сапожник, сеятель, солдат, семинарист*. Отсутствует она, если образ указывает на типичные мужские физиологические признаки: *борода*, на названия, связанные с сложившимся социальным статусом: *брат меньшей, вдова соломенная*. Особенно продуктивна гендерная асимметрия продуктивна в рамках акционального кода. Номинации *maskulinum tantum* отражают черты патриархатного уклада жизни.

Среди асимметричных в гендерном отношении номинаций особую группу представляют стереотипы определённых типов сексуально детерминированного поведения: *червонный валет, гусар, христова невеста* и др. При этом номинации мужчин, как правило, имеют положительную семантику, женщин – отрицательную.

Квазиэталон, связанные с антропоморфным культурным кодом, особенно с образными основаниями-соматизмами, демонстрируют гендерную симметрию. Её находим у квазиэталонных биоморфного культурного кода. Здесь учитывается половая принадлежность животного. Ср.: *барбос, боров, бык, жеребец*. Образы представителей разных полов одного живого существа могут репрезентировать не коррелирующие друг с другом стереотипные представления. Ср.: *ворон* ‘о человеке, приносящем беду, использующем чужое несчастье в своих целях’ // *ворона* ‘о нерасторопном, неловком человеке, простофиле’. В данном случае разные функциональные признаки птицы генерируют формирование коннотаций, которые становятся почвой для семантики квазиэталона. Поскольку гендерный аспект сознанием редуцируется, корреляция образа «мужское / женское» разрушается и одна и другая лексическая единица становится формой для вербализации представлений как о мужчине, так и о женщине. В рамках биоморфного кода номинации *maskulinum tantum* связаны с поведением животных и птиц, здесь преобладают отрицательные оценки, номинации *femininum tantum* связаны с внешним видом и поведением вспомогательного объекта обозначения. Доминирует положительная семантика. Ср.: *баран, мышинный жеребчик, кабан, лев, крокодил, пёс, голубь сизокрылый, гусь, индюк, петух* // *газель, лань, горлица, лебёдушка*.

Заметны тенденции, которые мы называем феминизацией и маскулинизацией, при которых номинации, типичные для одного пола, используются для обозначения лиц другого пола. Так, становятся распространёнными словоупотребления типа: *она мой оруженосец, палач, паж, адъютант, богатырь, солдат* и др. Маскулинизация представлена менее продуктивно: *балабол, проститутка, кобыла, красная девица*, и др. Характерно, что при феминизации значение в большинстве случаев приобретает положительную сему, а при маскулинизации – всегда отрицательную. Этот факт отражает культурную установку о недопустимости для мужчины брать на себя женские практики, свойства и признаки.

Квазиэталон, зв'язаний з анимічним (виділяється по базовому образу «природна стихія») і з біоморфним кодом (з базовим образом «насекомое»), демонструють гендерну симетрію, що може служити аргументом в користь того, що незначительність допоміжного об'єкта стає прецедентом для відсутності гендерної диференціації.

В ряду семантичних груп диференціація квазіеталонів на чоловічі і жіночі взагалі відсутня. До таких груп належать «Характеристика людини по наявності матеріальних цінностей», «Характеристика людини по відношенню до матеріальних цінностей», «Найменування лжеців», «Характеристика людини по параметру новизни», «Характеристика людини по відношенню до свободи», «Найменування п'яного людини», «Найменування, вказуючі на цінність людини». Це означає, що для мовного свідомості безрозлична диференціація на чоловіче і жіноче в вказаних смислових аспектах.

Обернемося до квазіеталонів *maskulinum tantum* і *femininum tantum* різних семантичних груп і спробуємо позначити аспекти, які відносять чоловіків і жінок в російській мовній картині світу.

Для жінки дуже важливим є відповідність стандарту зовнішнього вигляду. Важливими стають параметри ваги, осанки, росту. Стандарт краси фіксують квазіеталони: *куколка, розан, фея, пава*. Відхилення від стандарту відносять квазіеталони: *кубышка, кувалда, кобыла*. При цьому в чоловічій мовній свідомості фокусується своє увагу на параметрі ваги. В традиційній культурі надмірна вага у чоловіка оцінюється негативно: *боров, кабан, налим*. Для територіальної субкультури цей ознак не є визначальним. Мовна свідомість маркує характеристику «опрятність / нерятність»: *опущенник* 'о нерятливому чоловіку'.

Різниця спостерігається і в категоризації параметра віку. Так, в чоловічій сфері фіксується аспект юного віку, в жіночій – навпаки, старого. Ср.: *мальчик / христова невеста, старая скворечница*. Дану опозицію можна інтерпретувати так: для чоловіків – поганий юний вік, для жінок – преклонний. Ця опозиція дозволяє експліцитно цінності російської свідомості: для чоловіка важливий досвід, який набувається з віком, для жінки – зовнішні дані, які з віком погіршуються. Цей висновок підтверджують квазіеталони семантичної групи «Характеристика людини по наявності у нього досвіду, знань». Ср.: о чоловіках. *Старый волк / цуцик*. Перший квазіеталон виражає позитивну оцінку, другою – негативну.

Важливим для чоловіка стає параметр фізичної сили: *бык, вол, лев, богатырь*.

В аспекті властивих людині практик об'єктивують квазіеталонами знаходять одиниці жіночої сфери. Так, важливим для жінки є сноровка. Ср.: *клуша* 'о неперемінливою, неуклюжею

женщине'. В территориальных субкультурах языковое сознание маркирует признак болтливости: *каркуша, курва, острохвостка, перемывайка, пищья, побрякушка*. Не одобряется шумное, придирчивое, сварливое поведение женщины: *квакушка, кудака, оскалённая, пила*. Характерно, что мужские признаки, которые могли бы проявиться в процессе выполняемой деятельности, не объективированы.

В характере мужчины подчёркивается смелость. Ср.: *гусар, лев, сокол, орёл // девица красная*. В женской сфере это качество не фиксируется, однако эксплицируется антистандарт «злая женщина»: *крысуха, чёртова перечница*.

Существует мнение, что русское сознание отрицательно маркирует аморальное поведение женщины и толерантно к аналогичным поступкам мужчины. Квазиэталон русского языка не поддерживают эту тенденцию. Данный ментальный аспект обладает относительно симметричной номинацией. Ср.: *голубица, камелия, сука // мышинный жеребчик, рыцарь, кобель*. Для мужчин становится значимым стандарт социальной оценки, его успешности, адекватности общественным нормам действий: *джентельмен, рыцарь, гусар, медведь* 'о малокультурном, грубом мужчине', *лакей, пёс* 'о мужчине, вызывающем негодование, заслуживающем презрения своим поведением, поступками'. Безусловно, что этот аспект представлен и номинациями женщин, но эти квазиэталонны единичны: *светская львица*.

Таким образом, в гендерном аспекте наиболее интересны квазиэталонны *maskulinum tantum* и *femininum tantum*. Они объективируют как стандарты, так и антистандарты человека. В мужчине русское языковое сознание выделяет параметр физической силы, опыта, смелости, социальной значимости. В женщине – внешней привлекательности, молчаливости, доброты, сноровки. Мужской портрет статичен, женский динамичен.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 392 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2003. – 95 с.
3. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян : в 3-х т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Эксмо, СПб : TERRA FANTASTIKA, 2002.
4. Балакай А. Г. Доброе слово. Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения : в 2-х т. / А. Г. Балакай. – Кемерово, 1999.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Терра, 1995.
6. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных – М. : Гнозис, 2002. – 283 с.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство СПб, 2000. – 704 с.
8. Потехина А. А. Мысль и язык / А. А. Потехина. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.
9. Телия В. Н. Русская фразеология : семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 284 с.